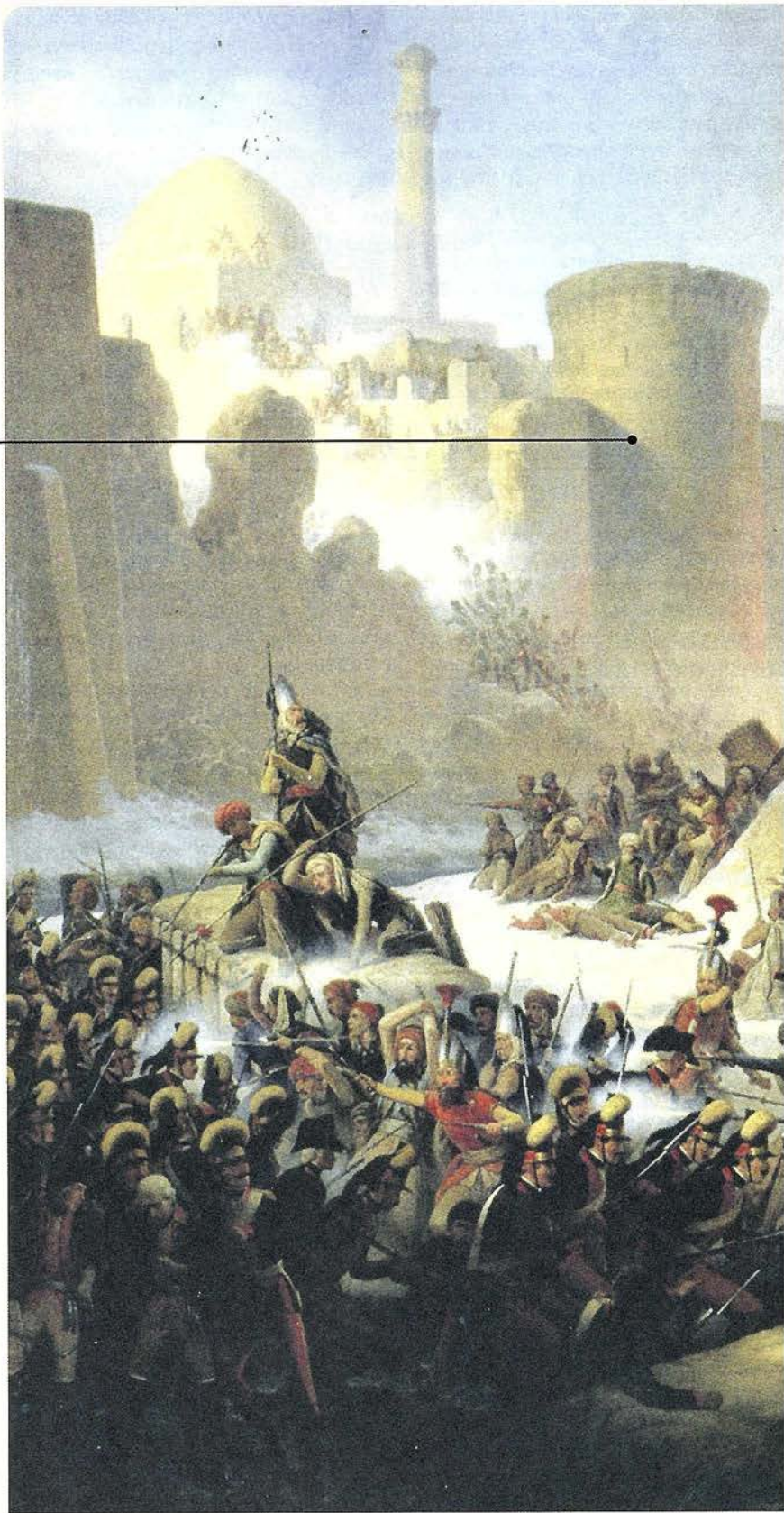

Крепость Очаков являлась одним из главных опорных пунктов Османской империи в Северном Причерноморье. Она позволяла туркам контролировать выход (шириной около 3 верст) из Днепровско-Бугского лимана (в который впадают реки Днепр и Южный Буг) в Черное море, где у Глубокой пристани базировалась корабельная эскадра Черноморского флота, здесь же была сосредоточена гребная флотилия, а в Херсоне находились судостроительные верфи. С другой стороны выход из Днепровского лимана в море отграничивала Кинбурнская коса. 1 (12) октября 1787 года турки попытались высадить на нее десант, но он был разбит войсками под командованием генерал-аншефа А.В. Суворова.

Я. Суходольский. Штурм Очакова 6 декабря 1788 года. Центральный военный исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи. Санкт-Петербург.

Взятие Русской армией при поддержке флота турецкой крепости Очаков – важнейшее событие Русско-турецкой войны (1787–1791), которое вошло в летопись подвигов русского воинства и послужило укреплению положения России на Черном море и его побережье.

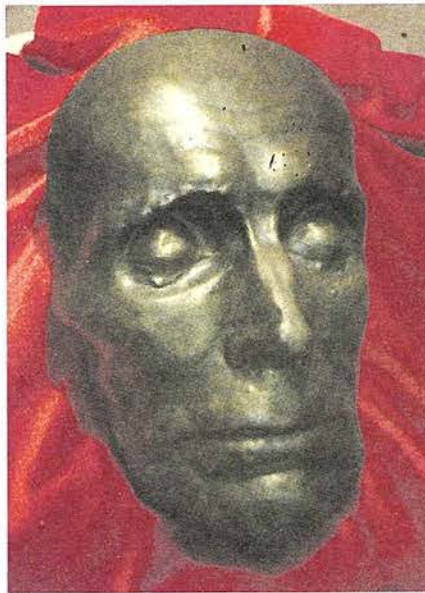
стели из «мягкого сена». А на рассвете приключился курьез, записанный Петром Ивашевым:

«По неосторожности адъютанта Тищенко, изготовлявшего хату, забыли осмотреть пустое место за печью, где спала глухая старуха; усталый от сидения в экипаже Суворов, по обыкновению своему, совершенно разделся, окатившись холодной водою, и чтобы расправить свои члены, начал прыгать по теплой хате, напевая из Алкорана арабские стихи. Старуха проснулась, выглянула из-за печки, испугалась, закричала: «Ратуйте! с нами небесная сила». На крик ее и графа сбежались и насилиу вытащили старуху, чуть живую от ужаса».

А вот еще одна история, приключившаяся по пути в Петербург: *«Дорогою, после некоторых разговоров о намерении своем в праздник Рождества Христова петь с придворным хором в дворцовой церкви, приказал мне вынуть из переднего ящика дормеза ноты, для того, чтоб протвердить концерт: «Слава в вышних Богу», себе взял 1-й бас, а мне отдал 2-й и велел мне петь с ним. Я сколько ни извинялся недостатком голоса и незнанием нот, но должен был повиноваться. «Не так! ты пой за мною». И опыт доказал, что я лишен этого небесного дара. – «Положи ноты опять в ящик; не умеешь петь». Граф закутался в свою шинель и твердил на память турецкие разговоры».*

По прибытии в столицу Суворов был осыпан милостями императрицы. 18 декабря 1795 года она пригласила его на постный обед. *«На вопрос Государыни, какое лучше для него блюдо, отвечал: «Калмыцкая похлебка». Государыня требовала объяснения, он доложил: «не более куска баранины и соли в чистой воде вареные, самый легкий и здоровый суп». В праздник Рождества Христова и новый год он должен был быть у Государыни, но всегда испрашивал увольнения от приглашения к Высочайшему столу».*

Еще больше, чем дворцовые обеды, утомляли полководца надоедливые визиты всевозможных вельмож. Но и здесь он проявлял суворовскую находчивость. Ивашев вспоминал, как Александр Васильевич ловко избавился от очередного гостя – бездарного дипломата Ивана Андреевича Остермана: *«Во время обеда докладывают графу о приезде вице-канцлера графа И.А. Остермана; граф тотчас встал из-за стола, выбежал в белом*

Посмертная маска Суворова

своим кителе – на подъезд; гайдуки отворяют для Остермана карету, тот не успел привстать, чтоб выйти из кареты, как Суворов сел подле него, поменялись приветствиями и, поблагодарив за посещение, выпрыгнул, возвратился к обеду со смехом и сказал Державину: «Этот контрвизит самый скорой, лучший – и взаимно не отягчительный».

А вскоре после триумфального возвращения в Петербург Суворов и Ивашев расстались. В 1795 году Петр Никифорович – полковник и командир Таврического конно-егерского полка. Карьера, казалось, складывалась блестяще.

Но при воцарившемся в ноябре 1796 года императоре Павле I в армии стали насаждаться прусские порядки. Недовольство ими Суворова навлекло гнев как на самого полководца, так и на его соратников. 6 февраля 1797 года любимый командир и наставник Ивашева в военном деле был уволен в отставку без права ношения мундира. Ивашев писал: *«Звезда Суворова, верная спутница его славы, затмилась временною опалю: победоносный герой, лишенный знаков, знаменитую службу отечеству и престолу приобретенных, осужденный на уединенную жизнь в углу своего родоначальства, под надзором, с покорностию предавался воле Бога и в молитвенном сельском храме, без горести, без упреков, чистою душою молился о благоденствии любезного отечества».*

Свита его рассеяна по разным местам; мне велено ехать в персидскую армию командиром Нижегородского драгунского полка и в 1798 году произведен генерал-майором и и фом Таганрогского драгунского полка и в то же время секвестровано мое имение за строение Одессы, проиводимое в 1796 и 1797 годах за то время, когда я находился при блестящих победах Суворова и потом в персидской армии, что и заставило меня в 1798 году оставить службу и отправиться от напрасного посягания на мою честность в Петербурге».

Разумеется, «Екатерининский генерал, сподвижник Суворова, герой Очакова и Измаила», как именовали его симбирский краевед Павел Либимович Мартынов, пострадал не реальными грехами казнокрадства, а близость к опальному фельдмаршалу. Секвестр был наложен на имени посколькy по бюрократическим документам Ивашев формально продолжал числиться членом «экспедиции строения южных крепостей города порта Одесского». Дело, возбужденное весной 1798 года, хранится ныне в Государственном архиве Ульяновской области. Петр Никифорович собирал бумаги и доказывал, что мог быть в числе растратчиков: *«... В 1794-м же году в июне м-це, до начала еще того года крепостных работ...» я тогда же взят и употреблен был за старшего квартирмейстера... следственно, с того уже времени я имел ни малейшего участия в распоряжениях и никакого влияния в дела означенной экспедиции». Генерал Ивашев просил Военную коллегию предстать в суду доказательства своей невиновности. Но безуспешно.*

Весной 1798 года П.Н. Ивашева обвиняли в растратничестве. Герой Очакова и Измаила пострадал не за казнокрадство, а за близость к опальному фельдмаршалу А.В. Суворову

30 ноября 1798 года Петр Никифорович вышел в отставку по прошению. Официальная причина – болезнь и раны, полученные при Измаиле и Праге. Причем да

тогда, когда император Павел вернул Суворова из изгнания, Ивашеву приходилось получать квитанции на возмещение растрат, к которым он был непричастен.

Последний раз бывший адъютант и великий полководец свидетель уже после триумфальных Итальянского и Швейцарского походов генералиссимуса Суворова. Петр Никифорович скрасил последние дни жизни великого полководца весной 1800 года. «По долгу сердца, – писал Ивашев, – я не отходил от него, с моих только рук принимал он назначенную ему пищу. В 12-й день кончил жизнь, как христианин. Трудно описать сильное изображение горестных чувств на лицах солдат и народа при поклонении телу в квартире и во время похорон».

Зять симбирского губернатора

Помимо опалы и обвинений, говоря по современному, в коррупции, для отставки Ивашева были и причины семейного свойства. В 1795 году умер отец Петра – Никифор Семенович, надо было вникать в хозяйственные дела имений.

Была и еще одна уважительная причина – на 30-м году жизни генерал-майор Петр Никифорович Ивашев стал женатым человеком. Свадьбу сыграли в январе 1797 года, а спустя, как и положено, девять месяцев, 13 октября в семье появился первенец – Василий, будущий декабрист.

Впрочем, мы немного забежали вперед, забыв представить невесту и ее семью. Избранница Ивашева – Вера Александровна – была единственной законной дочерью симбирского вице-губернатора Александра Васильевича Толстого.

Оговорка «законная» не случайна. У Толстого был еще внебрачный сын Андрей, давший начало дворянскому роду Головинских (в 1917 году его потомок Федор Александрович Головинский станет губернским комиссаром Временного правительства). Хотя незаконнорожденный отпрыск и не носил фамилию Толстых, семейство о нем не забывало.

Наряду с женой Петр Никифорович получил «в нагрузку» и заботу о ее сводном брате. Также семья опекала двоюродную сестру Веры – Софью Николаевну, осиротевшую после Пугачевского восстания. Впрочем, для Толстых и Ивашевых семейные ценности и поддержка родственников всегда были не пустым звуком.

За супругой в приданое Петр Никифорович получил имение в селе Ундоры Симбирского уезда. Краевед Мартынов отмечал: «...Всего же Александру Васильевичу Толстому принадлежало, в разных губерниях, 2.706 душ и более 43-х тысяч десятин земли. Это огромное наследство получила Вера Александровна Ивашева после отца... Но Ивашев и без этого был очень богат».

Петр Никифорович владел наследственными вотчинами в разных губерниях, чуть не в большем количестве, чем его супруга

В Ульяновском областном архиве хранится «Хроника и история села Воскресенского, Ундоры тож <...>», составленная бывшим крепостным Михаилом Васильевичем Русиным в 1869 году. В ней Вера Александровна Ивашева характеризовалась, как «достойнейшая рода Толстых, которая по вступлении своем в имение, как благодотворный Луч Солнечный, осветила и согрела всех своею добродетелью! Сладко и утешительно вспоминать жизнь ее!.. Когда под кровом незабвенной нашей Матери дни текли всех нас в счастье и безмятежном спокойствии! Память ее для нас да будет Священна!..».

На новодельном надгробии-кенотафе, установленном взамен утраченного на могиле Ивашевых (в сквере имени И.Н. Ульянова), Вера Александровна именуется «урожденной графиней Толстой». Это ошибка. В нашем сознании при упоминании фамилии «Толстой» автоматически срывается ассоциация – граф. Однако графский титул имела лишь одна ветвь рода Толстых – потомков петровского сподвижника Петра Андреевича Толстого. А вот правнуком его старшего брата, без титула, являлся Александр Васильевич Толстой – тесть Ивашева.

В январе 1807 года Ивашев занимался формированием в Вятской губернии земского войска (его также именуют временным ополчением или милицией), он же его и возглавил. Эти части готовились для войны с Бонапартом, но заключение Тильзитского мира между Россией и Францией привело к роспуску земских войск. Тем не менее труды Петра Никифоровича были отмечены особой Милиционной медалью.

В августе 1797 года Александр Васильевич Толстой стал вторым в истории края симбирским гражданским губернатором, а уже в октябре того же года император Павел пожаловал его «за усердие и отличие, оказываемые в исполнении возложенных обязанностей» в тайные советники. Этот чин, соответствующий воинскому званию генерал-лейтенанта, был наивысшим для чиновника губернского уровня. Однако в июне 1799 года Толстой подал в отставку, ссылаясь на возраст и болезни. Возможно, были и другие причины, поскольку впоследствии против старика неоднократно затевалось следствие, а на его имущество накладывался арест и взыскивались штрафы за реальные или мнимые «упущения по должности».

Однако судебные тяжбы против него самого и против тестя не подорвали положения Петра Никифоровича. В Александровское царствование он вновь стал востребован государством.

12 декабря 1809 года отставной генерал Ивашев присутствовал среди почетных гостей на открытии в Симбирске мужской гимназии. А вскоре вернулся к военной карьере, поступив на службу в Корпус инженеров путей сообщения и водных коммуникаций. В его формулярном списке, хранящемся в нашем архиве, проставлен 1810 год, столичные источники называют другую дату – 4 июня 1811 года.

Продолжение следует.

Антон Шабалкин,
ведущий архивист Государственного архива Ульяновской области